

# ТАТАРСКИЙ ВѢСТНИКЪ

№ 261-й

ЕЖЕДНЕВНАЯ

№ 261-й.

Телефонъ типографіи № 85

Телефонъ редакціи № 85

ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ОБЩЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА.

Годъ XXIII

Среда, 6 октября 1904 года.

Годъ XXIII

## Памяти Чехова.

Въ одесскомъ литературно-артистическомъ обществѣ состоялся вечеръ, посвященный памяти нашего дорогого Антона Павловича Чехова.

Въ программу этого вечера входило, между прочимъ, предестное стихотвореніе молодого поэта Г. Дмитрія Цензора, которое прочиталъ самъ авторъ.

Приводимъ это стихотвореніе:

1.

Онъ былъ изъ тѣхъ, кто въ мірѣ  
одинокъ.  
Съ тоскою думъ загадочныхъ,  
какъ сонъ,  
Они средь насъ проходятъ, какъ  
пророки,  
И ужасъ въ ихъ чертахъ запечатлѣнъ.  
Для нихъ звучать священные намеки  
Предвѣчныхъ тайнъ, несбывшихся  
временъ,  
И души ихъ печальны и глубоки,  
И пѣсни ихъ томительны, какъ  
стонъ.

2.

Бросая въ міръ своимъ палящимъ  
словомъ,  
Они не ждутъ восторговъ и  
вѣнца.  
Но смущены пророчествомъ суровымъ  
Безпечная, дремавшая сердца—  
И жутко имъ томиться въ чувствѣ  
новомъ,  
И меркнетъ свѣтъ, и скорби нѣтъ  
конца,  
И мгла виситъ загадочнымъ покровомъ  
Отъ вѣщихъ словъ пророка и  
пѣвца.

3.

Онъ былъ изъ тѣхъ кто бродятъ  
между нами  
Непонятнымъ, но близкимъ мудрецомъ.  
Съ улыбкой устъ и скорбными  
очами

Онъ къ намъ пришелъ задумчивымъ пѣвцомъ.  
И смѣхъ его, отравленный слезами,  
Смутилъ сердца, окованные  
сномъ...

И весь онъ былъ, какъ чайка  
надъ волнами,  
Печальная, съ надломленнымъ  
крыломъ

4.

Кто разгадалъ трагедію смѣшиного  
И ропотъ душъ, задавленныхъ  
судьбой,  
Кто понялъ грусть смятенія земного  
И жалкій шумъ безцѣльности земной,—  
Тотъ чуждымъ огнямъ смѣющагося  
зова,  
И, навсегда отравленный тоской,  
Онъ будетъ жить для пѣсни и  
для слова,  
Прощающій и нѣжный, и больной.

5.

Былъ мутный часъ. Холодный и  
достылый,  
И сумрачный. Въ таинственной  
чертѣ  
Томились мы. И жизнь была  
могилой,  
И вяли мы въ пыли и темнотѣ.  
И, словно братъ прощающій и  
милый,  
Онъ подошелъ, и въ тихой  
красотѣ  
Намъ прозвучалъ напѣвъ его уны-  
лый,  
Тоскующій по жизни и мечтѣ...

6.

Онъ полонъ былъ любви и сожалѣнья,  
И міръ тоски горѣлъ въ его  
очахъ...  
И смущены, блѣдны, какъ при-  
пильня,  
Внимали мы съ вопросомъ на  
устахъ...  
Но онъ ушелъ, и въ холодѣ смя-  
тенія  
Остались дѣла. Одинокъ, въ ту-  
манныхъ снахъ,

Безъ божества, съ безуміемъ стре-  
мленія,  
Оплакавшихъ родной, любимый  
прахъ.